

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

В номере:

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Начало войны: кто виноват?

*Государственная власть
и представительные учреждения*

Управление западными окраинами империи

Национальный вопрос в Государственной думе

Российские мусульмане на фронте и в тылу

Война в оценках либералов и анархистов

Наука и высшая школа военного времени

*Немецкая историография: поиск виновников
и тень нацизма*

Россия в войне: англо-американские исследования

Обсуждаем книгу

И.С. Рыбачёнок. Закат великой державы

МОСКВА
НАУКА

5
сентябрь
октябрь
2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.В. Алексеев, Б.В. Ананьевич, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плещков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Соколов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вацалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.И. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, И.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохов, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрсов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революций

Анатолий Иванов

Высшая школа Российской империи являлась главным средоточием отечественного научно-интеллектуального потенциала, а слагающие её учебные заведения с их лабораторно-экспериментальной инфраструктурой не только занимались обучением, но и были (особенно в военное время) основными центрами приращения фундаментального и прикладного научного знания, ориентированного на правительственные оборонные заказы. «Производителям» этого знания – профессорам и преподавателям – принадлежала выдающаяся роль в преодолении научно-технического отставания оборонного комплекса, которое стало очевидным в условиях Первой мировой войны. Тайфун войны мгновенно втянул в свою воронку и студенчество, ставшее основным резервом пополнения стремительно таявшего в боях младшего командного состава русской армии (прапорщиков и унтер-офицеров). Словом, «академическое население» высшей школы сразу же оказалось на передних рубежах обороны Отечества. Цель данной статьи – реконструировать процесс военно-патриотической мобилизации научно-интеллектуальных и исследовательских ресурсов российской высшей школы в ходе Первой мировой войны, включая отклики академического сообщества на декларацию Временного правительства о преемственной приверженности своим союзническим обязательствам и на выход России из войны по воле правительства большевиков.

Историография этой темы только формируется. Отдельные статьи в основном посвящены анализу государственной академической политики, фиксации перепадов в корпоративных настроениях профессорско-преподавательского корпуса и студенческого сообщества, озабоченных утверждением своих корпоративных прерогатив в суровых буднях военного времени¹. Особое внимание исследователей привлекает позиция учащихся. Если в советской историографии акцент ставился на антивоенной (пораженческой) деятельности малочисленных групп

© 2014 г. А.Е. Иванов

¹ См.: Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 – февраль 1917 гг.) // Борьба КПСС за развитие народного образования и культуры Татарии и Среднего Поволжья. Казань, 1977; Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский состав российской высшей школы в период Первой мировой войны // Русская культура в условиях иноземных напастей и войн. X – начало XX в.: Сборник научных трудов. М., 1990. С. 224–258; он же. Российское «учёное сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127; Кожевников А. Первая мировая война, Гражданная война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, учёные и власть. 1880 – начало 1920-х годов СПб., 2003. С. 87–111; Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2009. С. 236–255; Университет и город в России (начало XX века). М., 2009.

студентов большевистской и левозеровской ориентаций, то объектом исследований современных специалистов является всё студенческое сообщество².

Как и российское общество в целом, «население» высшей школы (около 5 тыс. профессоров и преподавателей и около 130 тыс. студентов 65 государственных и 57 общественных и частных учебных заведений) восприняло начавшуюся войну как отечественную. В отличие от русско-японской кампании, воспринимавшейся в обществе как борьба самодержавия за клочок чужой земли на краю света, война с Германией стремительно и зримо ворвалась в жизнь страны, мгновенно вызвав защитную патриотическую реакцию общества³. В.М. Бехтерев свидетельствовал: «Общий клич довести войну до победного конца звучал почти во всех общественных организациях и съездах России... В пользу того же высказывались даже такие известные представители общественной мысли, как Плеханов. Исключение составляли лишь т[ак] н[азывающие] пораженцы»⁴ (которые шли за большевиками и левыми эсерами). Весть о начале военных действий профессура встретила всплеском патриотизма, который сплотил в общем патриотическом порыве либералов, консерваторов, крайне правых. Еще накануне войны они находились в состоянии межпартийной и академической вражды, разожжённой до крайних пределов министром народного просвещения Л.А. Кассо, чей политический курс был нацелен на выдавливание из высшей школы кадетствовавшей либеральной профессуры, повинной, по его убеждению, в нескончаемых студенческих беспорядках.

«Люди науки» дружно включились в научно-техническое и пропагандистское обеспечение имперской военной машины. Патриотические демарши академического корпуса были окрашены в густые тона германофобии. Советы профессоров практически каждого из высших учебных заведений отклинулись на известие о вступление России в войну обвинительным антигерманским меморандумом. Подобно российской буржуазии, встретившей весть о вступлении империи в мировую войну кличем «Военная мобилизация промышленности!», деятели высшего образования объявили своим девизом «военную мобилизацию высшей школы».

7 сентября 1915 г. Совет Московского университета создал из профессоров Военную комиссию для руководства оборонными мероприятиями. В постановлении от 18 сентября, «имея в виду в возможно широких размерах привлекать университетские силы к сотрудничеству в удовлетворении государственных и общественных потребностей, связанных с войной», комиссия обратилась к лицам и учреждениям, заведовавшим в Москве делом обороны, ухода за ранеными, устройства беженцев, снабжения населения провиантами, топливом, с просьбой указывать, какие нужды могли бы быть удовлетворены трудом преподавателей и студентов⁵.

² Мараси С. Между патриотизмом и радикализмом в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: материалы международного коллоквиума. СПб., 1999; Марков А.М. Что значит быть студентом. М., 2005; Иванов А.Е. Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской империи // Наука, техника и общество России и Германии во время мировой войны. СПб., 2007.

³ См.: Гайды Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917. М., 2003; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против вражеских подданных в годы Первой мировой войны. М., 2012; Jahn H.F. Patriotic culture in Russia during World War I. N.Y., 1995.

⁴ Бехтерев В.М. Моральные итоги великой мировой войны. Речь на торжественном заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г. Пг., 1915. С. 6.

⁵ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 92, д. 924, л. 100.

Свои патриотические чувства профессура предъявила обществу безотлагательно и посредством демонстративных филантропических акций, подобных постановлению Совета Петроградского университета от 29 июня 1914 г. об отчислении профессорами 3% своего содержания в пользу Красного креста и в помощь семьям «запасных»⁶. Предприняла столичная профессура, опять же в срочном порядке, и сбор средств на организацию «этапного госпиталя», который был открыт в октябре 1914 г. В пожертвованиях участвовали и студенты. Всего собрали более 62 тыс. руб.⁷

Но солидарно включившись в круговорть забот об обороне воюющего государства, профессура не забывала о политическом будущем послевоенной России, связывая с победоносной войной достижение своих политических идеалов: консерваторы – укрепления самодержавия; либералы – широких конституционных преобразований и демократизации академических порядков. Что касается студенчества, то и оно встретило известие о вступлении России в войну с Германией дружно выражаемыми патриотическими чувствами. Демонстрацией решимости пролить кровь за Родину можно считать добровольное поступление студентов в офицерские училища для краткосрочного обучения командному делу. 2,5–3 тыс. юнкерских мест в них в кратчайший срок осенью 1914 г. заняли студенты-добровольцы⁸.

Война, однако, даже в изначальный период всеобщего патриотического подъёма в российском обществе не принесла учащейся молодёжи «внутреннего мира»: она оставалась расколота политически. Желая России победы над внешним врагом, студенчество не забывало и о «враге внутреннем» – самодержавии. Патриотизм студентов носил антисамодержавный, республиканский характер. Отношение к войне обострило идейную конфронтацию между патриотическим большинством учащейся молодёжи и антивоенным меньшинством, шедшим за большевиками и левыми эсерами. Вместе с тем, прокламируя свою приверженность защите Отечества, студенты-революционеры, демократы, либералы стремились отмежеваться от ура-патриотов черносотенного толка, рьяно демонстрировавших преданность монарху.

Военные поражения, фатально преследовавшие Россию, постоянные наборы студентов в армию, на оборонные предприятия и общественные работы, каждодневные вести с фронта об убитых и искалеченных товарищах, тяготы повседневного быта – всё это в совокупности умеряло патриотический пыл учащейся молодёжи, всё более погружавшейся в настроения житейского уныния и разочарованности. К 1917 г. в отношении демократического студенчества к войне возобладали пацифистские настроения. Интеллигентная молодёжь, естественно, не желала поражения Родины ради развязывания пролетарской революции и гражданской войны, к чему стремились большевики-ленинцы. Она мечтала о безотлагательном почётном выходе России из катастрофической бойни во имя гражданского мира как гарантии от революционной катастрофы.

Война показала, что российская высшая школа – пластичная структура, способная оперативно откликаться на чрезвычайные вызовы государства и общества, даже временно поступаясь главными своими задачами и функциями, основанными на фундаментальном академическом постулате свободы науки

⁶ Протоколы заседаний Совета императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 85.

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 317, л. 11–12.

⁸ Там же, ф. 1276, оп. 11, д. 1369, л. 4.

и преподавания. По мере расширения масштабов военных действий она всё глубже втягивалась в водоворот экстренных оборонных правительственные и общественные мероприятий, призванных смягчить поразивший действующую армию кризис в связи с нехваткой кадров, боеприпасов и техники, лекарств, средств химической защиты, а в тылу – продовольствия, топлива, транспортных средств. Пожалуй, никогда в истории Российской империи столь явственно не обнаруживалась значимость науки, специалистов высшей квалификации, студенчества для поддержания боеспособности и экономической устойчивости воюющей страны. Российская высшая школа стала частью общеимперского военного комплекса.

При этом она в полной мере ощутила на себе и разрушительную силу войны. Милитаризация жизни высших учебных заведений пагубноказывалась на исполнении ими своего главного предназначения – учебно-педагогического. Директор Петроградского технологического института профессор А.Л. Вороной вспоминал: «Трудные условия преподавания, которые создавались войной, усиливались ещё отвлечением части профессоров и преподавательского персонала различными работами, связанными с обороной, в т[ом] ч[исле] и поездками за границу. Работами на оборону были заняты и некоторые лаборатории. Институт отводил помещения для различных требуемых военным ведомством курсов, мастерских и даже специальных лабораторий»⁹. Снизилось финансирование высшей школы, и так традиционно осуществлявшееся по остаточному принципу.

Приближающийся фронт деформировал редкую «сеть» центров высшего образования, располагавшихся в 23 городах, менял их географию. Вглубь империи были эвакуированы высшие учебные заведения западной её части. В 1915 г. Варшавский университет переехал в Ростов-на-Дону и в 1917 г. был переименован в Ростоводонский. На основе эвакуированного Варшавского политехникума был создан Нижегородский политехнический институт (1917). В Новочеркасске из Варшавы переместился и ветеринарный институт, в 1917 г. названный Донским. Навсегда в Харькове остался Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства (до 1921 г. считался эвакуированным)¹⁰. Временно в Саратов были перемещены высшие учебные заведения Киева: университет св. Владимира, Коммерческий институт, Высшие женские курсы, Женский Фребелевский институт. Они нашли пристанище под крылом местного университета¹¹. На месте остался только Киевский политехникум.

Требовались существенные материальные затраты, организационные усилия, значительное время на то, чтобы «эвакуанты» адаптировались к новым условиям академической и бытовой деятельности. Это обстоятельство побудило правительство на специальных заседаниях 3 сентября и 28 октября 1915 г. рассмотреть вопрос «О целесообразности открытия занятий в эвакуированных высших учебных заведениях». По-видимому, определенного решения принято не было. Нам известна позиция на этот счёт только министра народного просвещения П.Н. Игнатьева. В «Записке» от 3 сентября 1915 г. премьеру

⁹ Технологический институт им. Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Т. 1. Л., 1928. С. 191.

¹⁰ Иванов А.Е. География высшей школы России в конце XIX – начале XX в. // Источниково-ведические и историографические аспекты русской культуры. М., 1984. С. 163–164.

¹¹ Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет (1909–1917). Саратов, 1999. С. 184.

И.Л. Горемыкину он настаивал на сохранении для учащихся эвакуированных школ повсеместно упраздненных льгот по отбыванию воинской повинности, дабы не преуменьшать их пропускную способность. Более того, в предвидении послевоенного будущего России Игнатьев ратовал за открытие новых университетов и институтов, «несмотря на затруднительное ныне положение государственного казначейства». Министр полагал, что такая политика смягчит также «нервность и растерянность обывателей», станет духоподъемным фактором и для молодёжи, в том числе эвакуированной, и для её близких¹².

В конечном счёте, под оккупацией немецких войск в феврале 1918 г. оказались только высшие учебные заведения Юрьева (бывшего Дерпта) – университет, Ветеринарный институт, Высшие женские курсы, а также Рижский политехнический институт. Как свидетельствует совершенно секретная до-кладная записка Игнатьева Горемыкину от 12 декабря 1915 г., их эвакуация не состоялась из-за его разногласий на этот счёт между министром просвещения и главнокомандующим Северным фронтом Н.В. Рузским. Последний настаивал на срочной эвакуации Юрьевского университета «не ввиду каких-либо угрожающих явлений на фронте, а главным образом по соображениям политическим... Присутствие в городе германского элемента, сосредоточением которого является университет с корпорациями и богословским факультетом (лютеранским. – А.И.) очень много вредит в военном отношении». В противном случае, необходимы «широкие репрессии», предупреждал командующий¹³. Иного мнения придерживался Игнатьев, утверждавший, что среди юрьевских университетантов евангелическо-лютеранского исповедания большинство составляли латыши и эстонцы, а немцы – лишь малую группу. Министр народного просвещения подчёркивал, что местное население считает университет «своим культурным достоянием». Ссылаясь на опыт эвакуации Варшавского и Киевского университетов, он указывал на «пагубность» срочного перемещения в другие города таких «громоздких и многолюдных учреждений». Только 60% учащихся Киевского университета решились переместиться в Саратов¹⁴. Благоустройство прибывших сюда 9.5 тыс. студентов и преподавателей киевских высших учебных заведений было задачей чрезвычайной сложности¹⁵.

В случае эвакуации Игнатьев рекомендовал сделать местом пребывания Юрьевского университета Пермь. Но жизнь распорядилась иначе. Вопреки заверениям командования в надежности российской обороны под напором наступающих германских войск сначала пала Рига со старейшим имперским политехникумом, а затем наступила очередь Юрьева с его высшими учебными заведениями. Правда, ещё с осени 1917 г. началось перемещение имущества местного университета в Пермь, Воронеж, Нижний Новгород. Осколки Юрьевского университета, точнее русская часть его профессуры и студентов, а также и некоторое имущество стали основой для создания Воронежского университета¹⁶.

Стремительное продвижение вражеских войск к Петербургу привело к стагнации деятельности столичных высших учебных заведений, за исключением медицинских. В прочих учёбу продолжали только студенты выпускных

¹² РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 1369, л. 1–4.

¹³ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 1342, л. 8 об.–9.

¹⁴ Там же, л. 9 об., 10 об.

¹⁵ Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 206.

¹⁶ См.: Карпачёв М.Д. Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003. С. 15–81.

курсов. Рассматривался даже вопрос о представлении учащимся остальных курсов возможности учиться в университетах и институтах других городов¹⁷. Началась организация в Перми отделения Петроградского университета в качестве эвакуационной базы. Позднее решением Временного правительства он был преобразован в самостоятельный Пермский университет. Но это ни в коей мере не могло компенсировать ущерба, нанесённого войной сети отечественных вузов¹⁸.

«Война 1914–1915 годов наложила тяжёлую руку на развитие науки, – констатировал В.И. Вернадский. – Она отвлекла средства, шедшие на мирную культурную научную работу, на долгие месяцы отбила от научной работы её работников. Тысячи талантливых людей пали на полях битв и [умерли] в лазаретах, среди них были и те, которые при отличном ходе жизни явились бы крупными учёными. Должно быть, среди них есть и такие, которые рождаются раз в поколение»¹⁹. Сокрушительным ударом, нанесённым науке войной, учёный считал разрыв международных научных связей, в первую очередь с Германией. Для российского «учёного сословия» эта страна представлялась научной Меккой, обладавшей густой сетью прекрасно обустроенных высших учебных заведений с высококвалифицированным преподавательским корпусом. Для российских профессоров, преподавателей, «профессорских стипендиатов», регулярные научные командировки в Германию с XVIII в. были важнейшим элементом академического преуспевания. Германские учёные традиционно занимали предпочтительное положение среди иностранных преподавателей и «почётных членов» российских высших учебных заведений и научных обществ при них.

Война разрушила эту академическую гармонию. Высшую школу заволокли грозовые тучи германофобии. Своих недавних коллег российская профессура обвиняла в оправдании «милитаризма», успевшего «уже оказать своё гибельное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты стал меняться с некоторых пор постулатом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм». 1 сентября 1914 г. профессор Петербургского университета А.С. Догель в порицание преступлений «варваров XX в. – германцев» против культуры (разрушения Лувенского университета в Бельгии) призвал своих коллег разорвать всякие научные связи с немецкими учёными и исключить из состава почётных членов российских университетов тех из них, которые «позорят и унижают науку»²⁰.

24 ноября 1914 г. после долгих и оживлённых дискуссий профессорская коллегия Петербургского университета исключила из числа своих почётных членов профессора Берлинского университета фон Листа. Против голосовал только профессор-зоолог В.М. Шимкевич. Такое решение было принято во исполнение законодательного постановления Совета министров от 31 октября 1914 г. об исключении из состава научных учреждений и высших учебных

¹⁷ РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 1369, л. 5.

¹⁸ Там же, ф. 741, оп. 11, д. 203, л. 1–2. Эвакуация высших учебных заведений повлекла за собой и некоторые положительные последствия. Например, в Саратовском университете, состоявшем из одного медицинского факультета, соединение, пусть и временное, со старейшим Киевским университетом привело к оживлению научной и учебной жизни (Зёрнов В.Д. Указ. соч. С. 206).

¹⁹ Вернадский. В.И. Война и прогресс науки // Владимир Вернадский. Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 234.

²⁰ Протоколы заседаний Совета... № 70. С. 79–80.

заведений всех германских подданных. Эта акция вызвала цепную реакцию. Из состава почётных членов одного только Московского университета и состоявших при нём научных обществ были исключены около 70 подданных Германии. Лишь Общество А.И. Чупрова для разработки общественных наук наотрез отказалось от чистки своего членского состава на том основании, что якобы не располагает данными о подданстве своих членов, поскольку его устав не предусматривал сбора такого рода сведений²¹.

Приобщение к военным программам правительства кардинально поменяло парадигму научно-исследовательской и педагогической деятельности физико-математических факультетов университетов, заметно ослабив её фундаментальную нацеленность. Приоритет приобрели прикладные исследования в области химии, например, фармакологические, обоснованные остройшим лекарственным голодом, который испытывали и действующая армия, и население воюющей страны. В 1915 г. П.Н. Игнатьев констатировал: «Испытываемый с возникновением войны недостаток химико-фармацевтических препаратов с совершенной наглядностью показал, в какой тесной зависимости от иностранного и главным образом германского рынка находилась в данном отношении наша империя»²². В сентябре 1914 г. Министерство просвещения образовало из профессоров химии, медицины и фармакологии Особое совещание, составившее список необходимых армии медикаментов, которые высшие учебные заведения могли бы изготовить силами студентов и лаборантов. В Казани 10–16 августа 1914 г. при областном Военно-промышленном комитете прошёл I Всероссийский съезд по выработке плана борьбы с «лекарственным голодом». Научные доклады прочитали профессора Казанского и Саратовского университетов²³. Физико-химическое общество Киевского университета на организованном при нём заводе хлороформа приступило к производству лекарственных препаратов. Этим проектом руководил профессор С.Н. Реформатский²⁴. Фармакологические работы учёных химического отделения естественного факультета Московского университета завершились постройкой химико-фармацевтического завода²⁵.

В борьбу с лекарственным кризисом включились и негосударственные («частные») высшие учебные заведения. В составе Одесских (с 1916 г.), Московских (с 1917 г.) высших женских курсов. Петроградского частного университета (до 1916 г. – Психоневрологический институт) действовали химико-фармацевтические отделения²⁶. Они готовили специалистов для зарождавшейся в стране фармацевтической промышленности, которая полностью отсутствовала в довоенной России. Ведущими центрами изготовления лекарственных форм, крайне необходимых полевой военной медицине, стали Казанский (лаборатории профессоров А.Я. Богородицкого и А.П. Арбузова), Киевский (профессор С.И. Реформатский), Московский и Петроградский университеты. Производство морфия, йода, салициловых фармацевтических препаратов в лабораторных условиях организовал профессор Московского технического училища А.Е. Чичибабин. В марте 1916 г. Совет министров ассигновал 300 тыс. руб. на организацию при училище «образцового по изготовлению медикаментов

²¹ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 92, д. 735, л. 12–29.

²² РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 631, л. 3.

²³ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 95, д. 924, л. 16.

²⁴ РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 170, л. 5.

²⁵ История Московского университета. Т. 1. М., 1955. С. 425.

²⁶ Иванов А.Е. Российское «учёное сословие»... С. 116.

завода»²⁷. Здравоохранительную направленность обрели и рентгенологические исследования. В том же училище разрабатывались мобильные и стационарные рентгеновские установки для нужд военно-полевой медицины²⁸. Свои прикладные медицинско-рентгеновские исследования профессор Киевского университета Г.К. Суслов проводил на базе десяти военных госпиталей²⁹.

Военно-прикладная специфика полностью доминировала на медицинских факультетах университетов. Во-первых, это касалось научно-педагогического процесса: первостепенной задачей стала ускоренная, по сокращённой программе, подготовка военных «зауряд-врачей». Полноценный врачебный диплом им предстояло получить уже после войны по прохождении целостной университетской программы и сдачи государственных экзаменов. Во-вторых, профессорско-преподавательский состав в своей научно-исследовательской деятельности сосредоточился в основном на проблематике военно-полевой медицины. Так, в Томском университете в 1915 г. его профессура разрабатывались такие темы: «К вопросу об устройстве и деятельности бактериологической лаборатории на фронте» (А.П. Авроров); «О курсах для врачей в связи с войной» (С.В. Лобанов); «Отравление удушливыми газами» (Н.В. Вершинин); «Индивидуальная изоляция заразных болезней» (П.Н. Лашенков)³⁰.

Медицинские факультеты университетов превратились в центры госпитального лечения тяжелораненых фронтовиков. Профессор физики Саратовского университета (который, напомню, состоял из одного медицинского факультета) В.Д. Зёрнов вспоминал: «В Саратове вначале война мало чувствовалась, но вскоре новые университетские здания стали превращаться в госпитали. Жёны профессоров и преподавателей исполняли обязанности сестёр. У меня в институте (Физическом. – А.И.) был организован хирургический госпиталь, и операционная была в большой аудитории. Я устроил рентгеновский кабинет»³¹. Это был один из трёх расположенных в зданиях университета и патронируемых Саратовским земством лазаретов в общей сложности на 500 коек³².

25 июля 1914 г. Совет Московского университета постановил открыть клинику для раненых и больных воинов. Ввиду призыва некоторых ассистентов и ординаторов на военную службу и учитывая большой наплыв раненых, Совет просил внештатных приват-доцентов медицинского факультета «взять на себя обязанность по лечению больных»³³. 14 октября того же года среди жён профессоров и служащих университета возникла идея создания «собственного» университетского лазарета. Для этого университет выделил помещение и асигнования. Было также принято постановление о ежемесячных взносах профессорами из личных средств (не менее 5 руб. каждым) на лечение раненых³⁴. 29 июня 1915 г. Совет Петроградского университета постановил асигновать из собственного бюджета средства в фонд организации этапного лазарета им. Петроградских высших учебных заведений, стационарного лазарета ведомства Министерства народного просвещения (в помещении Женского

²⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 89–90.

²⁸ Прокофьев В.И. Московское высшее техническое училище. 125 лет. М., 1955. С. 149–151.

²⁹ РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 170, л. 5.

³⁰ Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого Сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 125.

³¹ Зёрнов В.Д. Указ. соч. С. 205.

³² Соломонов В.А. Указ. соч. С. 180.

³³ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 92, д. 747, л. 9.

³⁴ Там же, д. 585, л. 25.

медицинского института), а также лазарета для лечения нервных и психических заболеваний (в помещении Университета)³⁵. Работали военные лазареты и при высших учебных заведениях другого профиля, например, при казанских Высших женских курсах, Духовной академии, Ветеринарном институте.

Академической обыденностью стали командировки преподавателей медицины на театр военных действий. В 1915 г. профессора Саратовского университета С.И. Спасокукоцкий и В.И. Разумовский получили назначение на Юго-Западный фронт в качестве хирургов-консультантов. По инициативе Разумовского в прифронтовой полосе были созданы несколько лазаретов³⁶. В том же году профессор Казанского университета А.С. Иконников был направлен, «согласно прошению», на фронт практикующим хирургом³⁷, а его коллега профессор В.Н. Тонков откомандирован для усовершенствования в Военно-медицинскую академию³⁸. Принимала университетская профессура участие и в организационно-медицинской деятельности Красного креста и иных военно-санитарных институций. В 1915 г. трое профессоров-саратовцев были откомандированы консультантами в состав Красного креста³⁹.

Наконец, война поставила перед профессорами и преподавателями задачу организации производства отечественного хирургического инструмента и медицинского лабораторного оборудования. Для её решения в Казанском университете была создана специальная комиссия во главе с профессором Н.Ф. Высоцким. Комиссия констатировала: «До настоящей войны научно-педагогическая деятельность в наших университетах, по крайней мере, на медицинском и физико-математическом факультетах, находилась в полной зависимости от различных заграничных, главным образом немецких фирм, от которых мы вынуждены были выписывать необходимые нам научные пособия – инструменты, приборы, посуду, химические и лекарственные вещества и т.п. за неимением их в России»⁴⁰. Председатель комиссии разослал по высшим медицинским школам уведомление о её существовании и приглашения к сотрудничеству. Такое уведомление поступило и в Московский университет⁴¹.

Ударным направлением научно-практических исследований по оборонной программе профессоров и преподавателей высших учебных заведений стала разработка средств химической защиты от применяемых германскими войсками отравляющих газов⁴². В кратчайшие сроки по заказу противогазового отдела Химического комитета при Главном артиллерийском управлении учёными-химиками университетов, Петербургского горного института было изобретено три типа противогазов, срочно запущенных в производство. Параллельно осуществлялись масштабные работы по налаживанию производства

³⁵ Протоколы заседаний Совета... № 70. С. 83.

³⁶ Соломонов В.А. Указ. соч. С. 181–182.

³⁷ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 977, д. 1277, л. 173.

³⁸ Там же, д. 12907, л. 125.

³⁹ Отчёт о состоянии и деятельности императорского Николаевского университета за 1915 г. Саратов, 1915. С. 5.

⁴⁰ НА РТ, ф. 977, д. 13128, л. 8.

⁴¹ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 421, д. 112, л. 11 об.

⁴² Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1935. С. 29, 45. Первая германская газовая атака на русском фронте произошла 3 июня 1915 г. на подступах к Варшаве у Воли Шидловской. Потери от неё составили 9 146 человек, в том числе 1 183 умерших. В 1916 г. немцы предприняли 10 таких атак против российских войск. Самый большой урон был нанесён при этом 2 июля под Сморганью в районе Молодечно: 3 864 отравленных, в том числе 286 со смертельным исходом.

боевых отравляющих и новых видов взрывчатых веществ⁴³. Разработки, осуществлённые физико-математическим отделением Московского университета, стали технологической основой для работы завода по выработке химических средств борьбы с противником⁴⁴. В лабораториях профессоров Казанского университета А.Ф. Богородицкого и А.Е. Арбузова был осуществлён цикл исследований по созданию простейших методов защиты от отравляющих веществ; заведующий лабораторией фармакологии В.Н. Болдырев разработал методику организации службы противохимической защиты. Этот опыт использовался и в армиях союзников России. Профессор Московского технического училища Н.Л. Шилов сконструировал типовую химическую лабораторию, работавшую в зоне военных действий. Его коллега Ф.К. Герке составил методические руководства по теме «Удушливые газы в военном деле» и «Краткое указание о газах, применённых немцами и способах борьбы с ними». В виде брошюр они были распространены в войсках⁴⁵.

Оборонно-исследовательская деятельность профессоров и преподавателей Петроградского технологического института преимущественно определялась заданиями главного артиллерийского управления. Радиотелеграфные приборы, электрические заграждения, самолетостроение, рентгеновская аппаратура, производство медикаментов – таков круг исследовательских проблем и экспериментальных работ, составлявших оборонную программу института⁴⁶.

За годы войны существенно расширилась экспериментально-производственная база инженерно-промышленных институтов, которая условиями военного времени была сориентирована в первую очередь на разработку и осуществление оборонных проектов. Фактически она превратилась в ряд руководимых преподавателями мелких промышленных предприятий по производству снарядов (Петроградский технологический институт), магнето, взрывателей, микротелефонных аппаратов (Политехнический и Электротехнический институты в Петрограде) и т.д. В Саратовском университете при его Физическом институте открылись мастерские по производству комплектующих для артиллерийских снарядов и пехотных гранат, которые действовали под эгидой Военно-промышленного комитета⁴⁷.

Помимо научно-практических разработок, профессора и преподаватели участвовали в деятельности ряда созданных во время войны чрезвычайных государственных органов (Особых совещаний по обороне государства, транспорту, продовольствию, Центрального военно-промышленного комитета и его местных отделений, Химического комитета при Главном артиллерийском управлении), а также самоуправлявшихся Союза городов, Земского союза помощи больным и раненым.

Война наложила печать патриотического милитаризма на творчество учёных-гуманитариев, проявившуюся в посвященных военной теме трудах по русской и всеобщей истории, политэкономии и политологии, в публичных

⁴³ Трофимова Е.В. Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны М., 2002. С. 135–147.

⁴⁴ История Московского университета. Т. 4. С. 425.

⁴⁵ Прокофьев В.И. Указ. соч. С. 192.

⁴⁶ Труды Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина. Т. 190. История института. Л., 1927. С. 78–81.

⁴⁷ Соломонов В.А. Указ. соч. С. 182.

лекциях, музейной работе, публицистике. Их пафос выражался в обосновании исторически предопределённой агрессивности германцев, корни которой изыскивались в событиях истории Германии XVIII–XIX вв. «В германской культуре прошлого и настоящего, – утверждал Е.Н. Трубецкой, – немало образцов... высокомерного и вообще недолжного отношения к другим народностям и культурам»⁴⁸. В.П. Бузескул обнаруживал напластования реваншистских идей в немецкой историографии⁴⁹. В лекциях по классической истории профессор Петербургского университета М.И. Ростовцев, по свидетельству его слушателя М.П. Анциферова, развивал теорию исторической агрессивности германской нации в виду её оторванности от античной цивилизации, питавшей гуманистическую культуру всех европейских народов⁵⁰. Профессор русской истории Московского университета М.М. Богословский 20 марта 1915 г. занёс в свой дневник следующую сентенцию: «Для современного немца нравственного закона, очевидно, не существует. Это принцип зла, вооружённый всеми сложными приспособлениями науки. После таких злодяйий (потопления госпитального судна в Чёрном море. – А.И.) война, естественно, должна принять беспощадный характер и конец её, видимо, ознаменуется ещё большими жестокостями, чем начало»⁵¹. Его коллега профессор географии Д.Н. Анучин писал о реализации в текущей войне захватнических предначертаний немецких географов⁵². Трибуной профессорского патриотизма стал издававшийся в Петербурге М.М. Ковалевским сборник статей в трёх выпусках «Россия и её союзники в борьбе за цивилизацию» (Петроград, 1916–1917). Среди его авторов были Е.В. Тарле, Н.И. Кареев, Э.Д. Гримм, А.Н. Веселовский и др.

Придавая имперской идеологии германского бюргерства и юнкерства общенациональный характер, российская профессура целенаправленно формировала литературный стереотип среднестатистического германца – «высокомерно-самодовольного шовиниста», одержимого культом «бронированного кулака», презрением к национальным интересам прочих народов. Воплощением таких реваншистских ипостасей выставлялся германский император Вильгельм II. Широкое распространение в русском обществе обрела версия о его якобы клиническом безумии. Это суждение опроверг выдающийся психиатр В.М. Бехтерев. Однако он также считал, что в действиях этой венценосной особы «собираются лучи германского милитаризма». Не находя в личности своего гипотетического пациента явных нарушений психики, учёный вместе с тем обнаруживал в его поведении признаки неполного клинического здоровья, выражаемые в «периодах возбуждения и бредового характера заявлений», присущих не только душевнобольным, но и так называемым дегенератам нероновского типа⁵³.

Российская империя ввязалась в войну, не имея необходимого командного резерва. Поэтому уже 30 сентября 1914 г. последовало правительственные

⁴⁸ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.

⁴⁹ Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука. Идеология реваншизма // Русская мысль. 1915. № 9.

⁵⁰ Анциферов Н.П. Из дум о прошлом. М., 1992. С. 162. В связи с этим мемуарист вспоминал: «Страстный Ростовцев не мог в годы войны замкнуться в академической жизни. Когда выяснилась нехвата боеоприпасов, Михаил Иванович встал за станок и принялся изготавливать снаряды. Его антинемецкая, воинственная позиция впоследствии много вредила ему» (Там же).

⁵¹ Богословский М.М. Дневники 1913–1919. М., 2011. С. 165.

⁵² Анучин Д.Н. Предположение и действительность // Русские ведомости. 1914. № 12. С. 25.

⁵³ Бехтерев В.М. Вильгельм – дегенерат нероновского типа. М., 1916. С. 7.

постановление об отмене отсрочки по воинской повинности для студентов, действовавшей до завершения ими курса высших учебных заведений. Эта «чрезвычайная мера» мотивировалась «значительной убылью в офицерском составе, доходящей в некоторых частях до 75%»⁵⁴. Студенческий контингент стал едва ли не главным источником оперативного пополнения таявшего в боях младшего офицерского состава. Отныне студенты младших курсов мобилизовались «нижними чинами» в запасные полки с последующим распределением сообразно специальности и потребностям. Но и в этих критических для армии обстоятельствах власть прибегла к привычным методам охранительной селекции интеллигентных новобранцев. «Достойные и способные» направлялись на краткосрочное обучение (4–8 месяцев) в военные училища для получения первого офицерского чина прапорщика. Менее же «достойные» призывники из студентов определялись в войска унтер-офицерами. И уже совсем «недостойные» – рядовыми.

В категорию «недостойных» попадали молодые люди с репутацией «политически неблагонадёжных» и все без исключения «лица иудейского исповедания». Вопрос о предельном служебном ранге направляемых в действующую армию студентов-евреев вызвал разномыслие в правящих кругах. Межведомственное совещание в октябре 1915 г. нашло предпочтительнее отказаться от призыва таковых в войска даже рядовыми, только бы не принимать их в офицерские школы. Это намерение было встречено всестуденческим возмущением. В «воззвании» представителей студенческих организаций Московского университета (март 1916 г.) призыв евреев в ряды армии только нижними чинами характеризовался «новой возмутительной частью... общего правительенного националистического курса». Возможный же непризыв студентов-евреев в армию авторы «воззвания» квалифицировали как «provокационный выпад власти с целью растрявить националистические инстинкты» в обществе. Студенчество потребовало призыва в армию студентов-евреев «на равных основаниях со всеми»⁵⁵.

Такая реакция студенчества насторожила главу правительства И.Л. Горемыкина. В письме военному министру А.А. Поливанову в октябре 1916 г. он отверг даже гипотетическую возможность непризыва студентов-евреев в действующую армию как провоцирующую беспорядки в высших учебных заведениях. Премьер был уверен и в том, что осуществление такого проекта привело бы к преобладанию еврейского элемента в университетах и специальных институтах. Горемыкин не видел альтернативы военной мобилизации евреев в качестве «нижних чинов» и не находил тому серьёзных препятствий⁵⁶.

Согласно установленному порядку, с 1915 г. студенчество накрыла призывающая кампания. О её масштабах можно судить по следующим данным: Петроградский политехникум в 1915–1916 гг. направил в армию 1 615 студентов; малолюдный Петроградский институт инженеров путей сообщения – 400 человек только в 1915 г.; Московский коммерческий институт в 1916 г. – 1 800 человек⁵⁷; тогда же под ружьё было поставлено примерно 50% петербургских универсан-

⁵⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 395.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1916, д. 59, ч. 466, л. 9.

⁵⁶ РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 1369, л. 8 об.–9 об. См. подробнее: Иванов А.Е. Российское еврейское студенчество в период Первой мировой войны // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005.

⁵⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 256.

тов⁵⁸. Такое нерасчетливое растрачивание молодых интеллектуальных сил тревожило в правительстве только министра народного просвещения П.Н. Игнатьева. 3 сентября 1915 г. он писал в Совет министров, что привлечение студентов в войска должно иметь место «только в крайнем случае», исключительно для пополнения офицерского корпуса, поскольку «необходимо предусматривать, что с окончанием военных действий для восстановления нормального хода государственной работы потребуется весьма значительное число образованных работников»⁵⁹. Однако это предостережение осталось без последствий. Студенческие мобилизации следовали одна за другой через каждые два–три месяца. Они буквально обескровили младшие курсы высших учебных заведений, ограничивая контингент старшекурсников, а следовательно, дипломированных выпускников. Не попадавшие под очередную мобилизацию студенты командировались на работы в оборонной промышленности в качестве исполняющих обязанности инженеров, конструкторов, а также техниками-конструкторами и просто техниками, токарями-инструкторами и просто токарями и т.д. Только в январе–августе 1917 г. на военных предприятиях Москвы и губерний работали 200 студентов Московского технического училища⁶⁰. Всё чаще и всё в большем числе студенты привлекались к общественным работам, например, к разгрузке дров, к работе в качестве низшего и среднего персонала в полевых, стационарных госпиталях и санитарных поездах. Не способствовало качеству подготовки выпускников высшей школы широко практикуемое их обучение по ускоренной, а точнее сокращённой программе. Как уже отмечалось, чтобы удовлетворить всё возраставшие потребности действующей армии и тыловых госпиталей во врачах, медицинские факультеты университетов были переведены на сокращённую четырёхлетнюю (вместо пятилетней) программу. Поразивший экономику России топливный и транспортный кризис стал причиной ускоренных выпусков специалистов и в таких народнохозяйственных институтах, как Лесной в Петрограде, Сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, Московский и Петроградский институты инженеров путей сообщения, строительные факультеты политехникумов в Петрограде, Варшаве, Киеве. Они в обязательном порядке командировались в распоряжение министерств: военного, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия. Эта служба засчитывалась в срок действительной военной, а в случае нарушения дисциплинарного порядка такие служащие подпадали под юрисдикцию военной юстиции.

Основная тяжесть проблем мобилизации высшей школы пришлась на период, когда Министерство народного просвещения возглавлял П.Н. Игнатьев (лето 1915 г. – декабрь 1916 г.). Решение неотложных задач, вызванныхвойной, министр сочетал с целенаправленной разработкой стратегического плана послевоенной реформы высшей школы с беспрецедентным временными размахом – до 1925 г.⁶¹ Университетская часть плана была отнесена к компетенции Совета по делам высших учебных заведений как чрезвычайного органа ведомства народного просвещения. В 1915 г. Совет в первоочередном порядке

⁵⁸ Ростовцев Е. Университет столичного города (1905–1917 гг.) // Университет и город в России... С. 324.

⁵⁹ РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 1369, л. 4.

⁶⁰ ЦГА г. Москвы, ф. 372, оп. 6, д. 211, л. 11.

⁶¹ О планах реформ Игнатьева подробнее см.: Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 184–187.

разработал проект нового университетского устава, отвечающего европейским нормам академической автономии. Совет также предложил план открытия новых университетов в Ростове-на-Дону, Перми, Самаре, Ярославле (на основе Демидовского юридического лицея), Воронеже (либо Тамбове), Екатеринославе (либо Симферополе или Керчи), Вильне (либо в Смоленске или Минске), Владивостоке (на базе Восточного института).

Другая часть плана, касавшаяся профессионально-технической школы, была отнесена к компетенции ряда ведомств, интересы которых представлял Совет по делам профессионального образования в империи, представивший доклад «К вопросу об установлении сети технологических институтов». Его составители полагали: война показала, что «до сего времени наше профессиональное образование развивалось слабо и несистематично, и потому-то многие технические задачи оказывались не по силам России за отсутствием должного количества работников». Поэтому они предлагали расширить сеть инженерно-промышленных институтов в «двойном масштабе»⁶². Предполагалось открытие 11 новых технологических институтов, в первую очередь в Вятке, Самаре, Иркутске, Кишиневе, Ташкенте, Вильне, Владивостоке, Благовещенске; во вторую – в Екатеринославе, Симферополе и Воронеже.

Февральскую революцию профессора, преподаватели и студенты встретили с энтузиазмом. Твёрдую поддержку Временного правительства они обусловливали не только революционным переустройством государства, но и неизменным соблюдением союзнических обязательств в войне с Германией. Отношение профессуры к этому судьбоносному для России вопросу точно выразили казанские коллеги: «Мы убеждены, что завоёванная свобода может быть сохранена лишь при полном единении всех классов общества с Временным правительством, ведущим борьбу с грозным врагом, исконным союзником и оплотом русской реакции»⁶³. Демократически настроенное студенчество, воодушевлённое идеей защиты республиканского строя России, рассталось с антивоенными настроениями 1915–1916 гг., вызванными катастрофическими неудачами русской армии, и дружно вернулось на оборонческие позиции начала войны, поменяв лозунг «Долой войну!» на призыв «Война до победного конца!» На мартовской сходке студентов Московского коммерческого института антивоенный лозунг поддержал только сам выдвинувший его участник от партии большевиков. Тогда же студенты Петроградского университета освистали своего коллегу из большевиков, призвавшего немедленно покончить с войной. Студенты медицинских факультетов, еще недавно готовившиеся к антивоенной забастовке, изъявили готовность отложить до лучших времен выпускные экзамены, с тем чтобы, не откладывая, отправиться на фронт «для клинических занятий»⁶⁴. В апреле 1917 г. решили прекратить занятия и добровольно отправиться на фронт студенты Горного института в Екатеринославе⁶⁵.

«Теперь есть лозунги, около которых мы можем объединиться со студентами. Таков, например, лозунг о доведении войны до победного конца»⁶⁶, – с удовлетворением констатировал Совет Московского университета в марте 1917 г.

⁶² РГИА, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 26 об.

⁶³ Голос Казани. 1917. 18 марта. Цит. по: Сизова А.Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г. Дис. канд. ист. наук. М., 2007. С. 57.

⁶⁴ Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 180.

⁶⁵ Там же. С. 200.

⁶⁶ История Московского университета. Т. 1. С. 556.

В помещениях высших учебных заведений по-прежнему располагались воинские казармы и военно-лечебные учреждения. Временное правительство продолжило практику мобилизации студентов в действующую армию, на военные заводы, общественные работы. Студенты-волонтёры работали на «кормовых пунктах» для солдат и голодающих горожан, создавали полицейские дружины для охраны порядка в городе, вели патриотическую агитацию среди населения.

Однако эти нештатные для системы высшего образования функции становились непосильными из-за обнищания учащихся. Перед ними во весь рост вставала проблема физического выживания. «Мы совершенно отвыкаем есть. Попросту начинаем голодать», – записал в своём дневнике 5 октября 1917 г. профессор русской истории Московского университета М.М. Богословский. Из его же дневниковой записи 22 октября: «В Москве наступает голод; хлеба будем получать по 1/2 фунта на человека»⁶⁷. Иногородние студенты в поисках пропитания и тепла разъезжались по домам. Московские универсанты, взывая о помощи, писали Совету профессоров: «В Москве нет комнат. Нет хлеба. Громадный процент студентов, приезжая в Москву, вынуждены скитаться в поисках пристанища, и счастливым считается тот, кто его находит. 5–6 студентов ются в одной комнате... Ещё острее чувствуется продовольственный кризис, так как фактически студенчество голодает, тратит значительную часть своего времени на стояние в уличных очередях... и это жалкое прозябанье стоит громадных денег»⁶⁸. Как бы подтверждая реальность этих жалоб, М.М. Богословский 24 марта 1916 г. занёс в свой дневник: «Жизнь в Москве по дорогоизне квартир и продовольствия для очень многих наших студентов едва ли возможна»⁶⁹. Столь же безысходное положение учащейся молодёжи сложилось и в прочих центрах высшего образования России. «Война произвела в высшей школе колоссальные опустошения. Во многих учебных заведениях нет и 1/3 бывшего состава учащихся», – констатировал автор статьи «Развал высшей школы» в газете «Новая жизнь» от 29 октября 1917 г.

Материально-бытовой кризис высшей школы усугублялся раздорами между профессорами и студентами. Последние требовали для себя представительства с совещательным голосом в советах высших учебных заведений. Профессура сочла такую претензию чрезмерной и академически неправомерной, а потому предложила своим оппонентам сотрудничество в надструктурных согласительных институциях. В Московском университете, например, был создан комитет из профессоров, младших преподавателей и учащихся для выработки «формы участия студенчества в делах, касающихся его интересов и его быта». Такого же рода согласительные образования возникли в Петербургском и Киевском университете⁷⁰. Там же, где профессура поддалась студенческому најиму (Казанский, Пермский университеты, Петроградский горный и Варшавский политехнический в Нижнем Новгороде институты) возникли конфликтные ситуации, потребовавшие от профессорских советов дезавуирования сделанных уступок⁷¹.

⁶⁷ Богословский М.М. Указ. соч. С. 436, 445.

⁶⁸ Цит. по: Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 241.

⁶⁹ Богословский М.М. Указ. соч. С. 168.

⁷⁰ Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого октября. Л., 1988. С. 158.

⁷¹ Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 228–229.

Студенчество восприняло отказ принять его депутатов в состав управляющих советов, традиционно состоявших из профессоров, как знак нежелания последних демократизировать высшую школу в соответствии с новым республиканским строем России. Следствием этого явилось резкое отчуждение учащихся от учителей. Студенты прибегли к испытанному методу давления на учебную администрацию – забастовке, которая в марте–апреле 1917 г. приобрела всероссийский размах⁷². К тому же обстановка революционного хаоса в стране не располагала к учебным занятиям. Как и в 1905 г., студенчество открыло помещения высших учебных заведений посторонней публике для проведения партийных митингов и собраний. Учебный процесс был парализован до осени 1917 г., если не считать эпизодических малолюдных лекций, семинаров, лабораторных занятий в некоторых университетах и институтах. В.Д. Зёрнов вспоминал о том неспокойном времени: «В университете официально занятия не прекращались, но в аудиториях тоже часто вместо лекций происходили митинги. И вот однажды я прихожу в Физический институт на лекцию, а аудитория занята тысячной толпой митингующих. Тут были и студенты, но главным образом люди с улицы. Довольно большая группа моих студентов, человек двадцать, окружив меня, заявила, что они хотят слушать лекцию. Я, памятуя, что во время Великой Французской революции в Сорbonne не было пропущено ни одной лекции, предложил им пойти в мою библиотеку в Физическом институте»⁷³.

Когда же, как и в 1905 г., утомленные митингами студенты решили вернуться в учебные аудитории, они столкнулись с непредвиденной ситуацией. Не обладавшее необходимыми материальными ресурсами для поддержки работоспособности высшей школы Временное правительство 2 августа 1917 г. постановило отложить начало учебного года до 2 октября. Особо при этом выделялся Петроград, где занятия были остановлены до 1918 г. ещё и по причине угрозы германского наступления на столицу. В целях разгрузки города от «лишних ртов» ввиду острого дефицита продовольствия, иногородним студентам было предписано продолжить учёбу в провинции. Но и там студентов-«беженцев» не ждали. Эти вынужденные акции власти вызвали взрыв студенческого негодования, заподозрившего Временное правительство в политически мотивированных антистуденческих происках. Неоправданные академические амбиции студенчества, подкрепленные всероссийской забастовкой весной–летом 1917 г., антиправительственные беспорядки в сентябре того же года стали одной из весомых причин стагнации системы высшего образования и одним из факторов ослабления политических позиций Временного правительства.

Более осмотрительно в конфликте со студенчеством повела себя профескура, всегда готовая позитивно откликнуться на перелом в студенческих настроениях в пользу возобновления учёбы. Совет Московского университета на заседании в сентябре 1917 г. поддержал эмоциональное заявление профессора В.М. Хвостова, упрекнувшего власть за закрытие высших учебных заведений Петрограда: «Когда понадобились помещения для лазаретов, в первую голову для этой цели были отведены школы (а не кинематографы, кабаре и другие увеселительные заведения). Теперь оказывается нужным разгрузить столицу... и опять прежде всего закрывают школы... Мы не так богаты просвещением,

⁷² См. подробнее: Там же. С. 226–233; Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодёжи. М., 1980. С. 46–47.

⁷³ Зёрнов В.Д. Указ. соч. С. 212.

чтобы швыряться школами. Пусть всеобщая разруха в стране вымешивается на чём-нибудь другом, но не на школах»⁷⁴.

Профессура более бережно, чем студенчество, относилась к высшей школе. Воспользовавшись послефевральскими свободами во благо свобод академических, она добилась возвращения на утерянные места в университетах коллег, которые вынужденно их покинули в годы руководства министерством народного образования Л.А. Кассо. Воспользовавшись затянувшейся паузой в учебных занятиях из-за студенческих беспорядков, академические деятели взялись за подготовку реформы высшего образования. Профессор зоологии Московского университета и его выборный ректор М.М. Новиков вспоминал: «Все лето 1917-го года, под грохот бурлившей в России революции, я, живя большей частью в Петрограде, усердно занимался мирным строительством в области высшего образования»⁷⁵. Он имел в виду своё председательство в Комиссии по реформе высшей школы при Министерстве народного просвещения Временного правительства. В её составе значились сам министр и его товарищи, начальники департаментов, а в качестве приглашенных членов – представители учебного отдела Министерства торговли и промышленности, Академического союза, младших преподавателей петроградских высших учебных заведений. Комиссия обладала полномочиями законодательной инициативы, а подготовленные ею законопроекты за подписями министра и его заместителей сразу направлялись на утверждение во Временное правительство. Комиссия предложила в корне изменить принцип оплаты труда педагогического персонала высшей школы, отменив гонорар, взимаемый со студентов за слушание лекций в качестве дополнения к относительно скромному профессорскому жалованью, и предложив повысить оклады штатных преподавателей. Было принято также постановление о замене внештатной приват-доцентуры штатной, как в период действия университетского устава 1863 г.⁷⁶

Одним из самых существенных достижений комиссии профессор Новиков считал реформирование устава университетов. Из-за срочности дела, вспоминал он, комиссия решила, не создавая нового, изменить действующий устав 1884 г. изданием ряда законодательных новелл, устранивших из него нормы, «противоречившие принципу университетской автономии». Для этого потребовалось вывести университеты из-под бюрократической опеки попечителей учебных округов; предоставить выборным университетским коллегиальным органам самостоятельность по отношению к Министерству народного просвещения, исключая право последнего утверждать избранных советами кандидатов в профессора во избежание «кумовства»; допустить представительство «младших преподавателей» в коллегиальных органах факультетов и в университетском совете; разрешить беспрепятственное действие студенческих организаций. Эти новеллы были одобрены всероссийским совещанием академических деятелей и в июне 1917 г. распространены на уставы народнохозяйственных институтов ведомства Министерства народного просвещения, а также законодательно утверждены Временным правительством⁷⁷. Однако октябрьский переворот упразднил комиссию по реформе высшей школы, прервав процесс её демократической реорганизации.

⁷⁴ Цит. по: Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 228–229.

⁷⁵ Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 268.

⁷⁶ Там же. С. 276.

⁷⁷ Там же.

Новую власть учащиеся и профессорско-преподавательская корпорация высшей школы встретили по-разному. Столичное студенчество, растратившее свой протестный пыл в конфликтах с профессурой и Временным правительством, восприняло её достаточно пассивно, хотя и не испытывало к большевикам социально-политических симпатий. Провинциальное студенчество на территориях, захваченных разгоравшейся Гражданской войной, в целом поддерживало противников Советов⁷⁸. Профессура встретила большевистский переворот однозначно как узурпацию власти, с возмущением восприняв отказ большевиков от союзнических обязательств России в войне с Германией. 20 ноября 1917 г. Совет Харьковского университета принял на этот счёт резолюцию, в которой заявлялось: «Нам невыносима мысль, что в муках рожденная русская свобода в сознании нашего потомства будет соединена с воспоминаниями об отвратительном предательстве»⁷⁹. Резолюция была доведена до сведения консулов союзнических держав. Харьковских коллег в их патриотическом негодовании поддержали профессора Казанского университета, посчитавшие, что сепаратный мир «исторгнет Россию из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность, т. е. те духовные и материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет»⁸⁰. Такого рода резолюции были последними широковещательными заявлениями людей науки дооктябрьской эпохи о своём отношении к проблеме защиты Отечества.

⁷⁸ Например, студенты Новочеркасского политехнического института в конце 1918 г. организовали боевую студенческую дружину для борьбы с «анархо-большевизмом». Из дружинников были сформированы 13 паровозных бригад, сыгравших большую роль в подавлении большевистского восстания в Ростове-на-Дону. Прикомандированная к Добровольческой армии генерала Корнилова дружина участвовала в легендарном Ледовом походе (Решетова Н.А. Интеллигенция Дона и революция. 1917 – первая половина 1920-х годов. М., 1997. С. 24, 62).

⁷⁹ Цит. по: Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 57.

⁸⁰ Цит. по: Литвин А.Л. Учёные Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, учёные и власть... С. 125.

Заочный юбилей: Из истории противостояния и сотрудничества Вольного экономического общества и власти в годы Первой мировой войны

Анастасия Туманова

В начале Первой мировой войны Императорскому Вольному экономическому обществу (ВЭО) оставалось немногим более года до полуторавекового юбилея (31 октября 1915 г.). Накануне видные деятели старейшего российского общества

© 2014 г. А.С. Туманова

Статья подготовлена при поддержке программы «Научный фонд НИУ–ВШЭ», проект № 13-09-00113 «Государство и гражданское общество в контексте адаптации политico-правовой системы России к условиям Первой мировой войны» и проект № 13-05-0010 «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века».